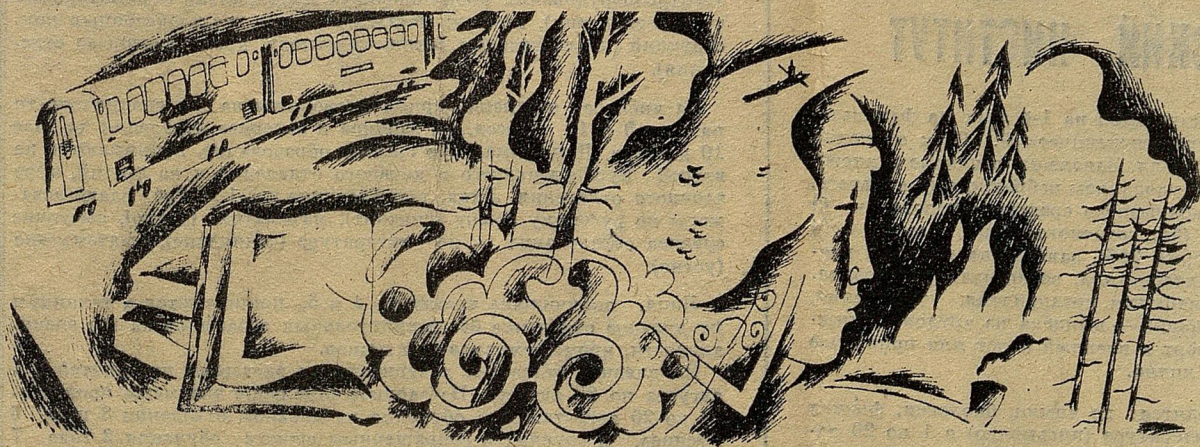

ПОЕЗДА ИДУТ НА СУКПАЙ

К 75-летию со дня рождения Джанси Кимонко

В последнее воскресенье июня удагейское село Гвасюги принимало гостей: здесь праздновали 75-летний юбилей первого удагейского писателя Джанси Кимонко. Всю неделю шли почти непрерывные дожди, окрестные сопки были живописно затянуты равными облаками, дороги размокли, тайга с первых шагов окутывала холодными каплями и светлая вода Хора казалась свицовой. С погодой явно не повезло. Тем не менее гостей собралось много. Приехали хабаровские писатели: В. Александровский, Ю. Шестакова, Г. Ходжер, Н. Наволочкин. Приехали представители партийных и советских организаций, кинохроника, телевидение, корреспонденты газет, пионеры-следопыты, многочисленные почитатели родоначальника удагейской литературы. Кто-то заметил, что гостей в этот день собралось, пожалуй, больше, чем всех жителей в Гвасюгах.

Сегодня из Хабаровска в Гвасюги можно доехать за три часа. А Сукпай, воспетый в книге Джанси Кимонко, тот самый таинственный Сукпай, что бежит где-то в сердце диких гор Сихотэ-Алиня и еще недавно был доступен лишь для хорошо снаряженных экспедиций, — Сукпай сегодня вообще перестал быть загадкой и тайной. До Сукпая теперь идут поезда: там создается мощный лесопромышленный комплекс. Как, наверное, поразились бы Джанси Кимонко, прочитав имя родной реки в расписании на железнодорожной станции! Говорят, он был мечтатель, страстно верил в грядущие перемены, которые крепко свяжут с миром цивилизации его маленький, затерявшийся в тайге народ. Но даже он едва ли мог предположить, что все произойдет так скоро.

Поезда идут на Сукпай. Каждый, у кого есть желание, может теперь просто взять в кассе билет, сесть в вагон и через несколько часов выйти на берегу той самой реки, где 75 лет назад в глухом таежном стойбище, в семье неграмотного удагейского охотника родился мальчик Джанси. И там, слушая знакомые свисты теплоходов, не без удивления перечитывать строки его знаменитой книги:

«На сотни километров вокруг — только леса и горы. Птицы слушают, как говорит вода, реки слушают, как перекликаются птицы. Здесь вырос и состарился дед мой, здесь дым от костров отца тревожил чуткого зверя, здесь по лесному бездорожью, по шумным протокам бежало детство мое, плакало и смеялось...»

Бывают разные книги. Есть книги, которые остро

и резко ставят какие-то жгучие, злободневные проблемы современной им жизни. Эти книги тоже нужны, они выполняют важную общественную работу, они волнуют нас, заставляют думать и спорить. Наконец, они заставляют нас действовать. Но эти книги умирают, становятся малоинтересными, как только находят решение поднятые ими проблемы.

А есть другие книги. Их ценность, их значительность выявляются постепенно. Проходя через годы и десятилетия, они как бы накапливают свой художественный потенциал, который становится тем выше, чем дальше в прошлое отодвигаются связанные с ними жизненные реалии. Эти книги навсегда входят в золотой фонд мировой литературы. И им и через столетия не ослабевает читательский интерес. Каждое поколение прочитывает их заново и каждое открывает в них что-то бесконечно ценное для себя. Именно и таким книгам принадлежит и та единственная, которую оставил Джанси Кимонко.

Недаром эта книга переведена на многие языки мира. Недаром дети в гвасюгской школе изучают ее наравне с хрестоматией. Недаром здесь существует пионерская дружина имени Джанси Кимонко. Недаром на площади в центре села стоит памятник писателю, у подножия которого всегда лежат живые цветы. Недаром в Гвасюгах и теперь рассказывают о Джанси как о живом человеке, будто не было трагического случая на охоте, оборвавшего его жизнь, а просто он уехал куда-то на время и скоро опять вернется.

Пока идет праздник, пока на площади перед памятником гремит оркестр, произносятся приветствия и речи и местная самодеятельность в национальных костюмах исполняет удагейские песни и танцы, — давайте послушаем тех, кто хорошо помнит живого Джанси.

Вот Надежда Ивановна Кимонко, жена писате-

ля. Она не могла прийти на праздник, потому что стара и уже не выходит из дому. Мы сами пришли в ее маленький домик, укрытый густыми зарослями на берегу Хора. Принимая гостей, Надежда Ивановна и ее теперешний муж Мичина Дулявич надели расшитые национальные халаты. Они сидели на низеньких скамеечках, старая женщина неторопливо рассказывала по-удгейски, а ее дочь Ляля Мичиновна переводила и комментировала. Вот кратко ее рассказ о Джанси.

С детства они росли вместе. Джанси, как старший сын, очень рано начал охотиться. В 8—9 лет он уже обеспечивал семью пропитанием. Он был хороший охотник, всегда возвращался домой с добычей. Но когда ему было лет 17, произошел несчастный случай: они с братом Санчи отправились на охоту, Джанси упал с дерева и сломал ногу. Все лето он лежал дома, нога никак не заживала. Может, и умер бы от этой травмы, ведь лечить было некому, шаманы лечить не умели. Но осенью в их стойбище появилась русская женщина. Эта женщина, как они после узнали, была из Хабаровского краеведческого музея. Она-то и сказала, что ногу можно вылечить, если отправить Джанси в больницу в Хабаровск.

Ногу действительно вылечили, но травма была запущена, и Джанси остался хромым. Поэтому, когда он выразил желание учиться, семья не стала возражать: Джанси был теперь плохой охотник, в тайге он не мог бы себя прокормить. И он уехал учиться — сначала в Хабаровск, потом в Ленинград. А когда вернулся в родные места, здесь уже утвердилась Советская власть, и Джанси выбрали председателем Джангогейского сельсовета.

Продолжает этот рассказ Евдокия Батовна Кялудзкая, родная сестра писателя. Джанго, говорит она, — это стойбище в 12 километрах выше Гвасюгов по реке. Там впервые

начали строить деревянные дома по русскому образцу. Позднее, в 1932—1933 году, когда образовался колхоз «Ударный охотник», — переселились сюда, в Гвасюги. Перевезли многие дома, в том числе и дом Джанси. Этот дом и теперь цел, в нем долгое время жила сама Евдокия Батовна, а сейчас он стоит пустой на берегу Хора. Надо бы починить его и сохранить — ведь это единственное, что осталось и от поселка Джанго, и от Джанси Кимонко. Новый дом, в котором Джанси писал свою книгу, и сожжению, не сохранился — на его месте позднее построили клуб.

Книгу Джанси писали семьей: мать, братья, сестры. Джанси читал им вслух, советовался с ними, а они помогали ему вспомнить различные эпизоды и обстоятельства их жизни.

Как же возник у Джанси замысел книги? Как он почувствовал в себе талант писателя? На этот вопрос, пожалуй, точнее всех ответила нам Анна Денчюевна Кимонко, тоже дальняя родственница писателя: брат Джанси был женат на ее сестре. Сама Анна Денчюевна окончила педучилище в Николаевске, работала в Гвасюгах воспитателем и заведующей школой-интернатом, сейчас на пенсии. Вот что она рассказала.

В годы Великой Отечественной войны Джанси был призван в армию, служил на Сахалине. Там пришлось ему и воевать, он имел несколько боевых медалей. Надолго оторванный войной от родных мест, он, конечно, сильно скучал, картины детства и юности всплывали в его памяти живыми яркими образами. Возможно, он рассказывал о своей жизни товарищам по службе и видел, что его рассказы вызывают общий интерес. Возможно, кто-то из товарищей и подсказал ему: напиши, дескать, книгу, ведь об удагейцах почти никто ничего не знает. Там, на Сахалине, он и задумал эту книгу, чтобы все люди, вся страна, мо-

жет быть, весь мир узнали о жизни маленького лесного народа.

Вернувшись в 1946 году из армии, Джанси сразу начал писать. Анна Денчюевна сама видела у него эту толстую тетрадь: он писал по-удгейски и только на одной стороне каждого листа. Она как-то спросила: почему он так пишет? Джанси ответил, что оставляет место на всякий случай: вдруг придется что-нибудь добавить.

Потом приехала в Гвасюги Юлия Шестакова, Джанси перевел ей несколько страниц, и она поняла, что книга талантлива. С тех пор она часто приезжала в Гвасюги: помогла Джанси работать над книгой, переводить ее на русский язык.

Все в этой книге — правда. Джанси ничего не выдумывал — писал так, как было на самом деле. Даже имена своих героев он не изменил. Так, Денчу, который действует на многих страницах книги, — это как раз отец Анны Денчюевны, и она может подтвердить, что портрет его написан точно, как с натуры.

Самого Джанси она тоже помнит так хорошо, будто видела только вчера. Как он выглядел? Невысокого роста, коренастый, очень светлая кожа. Главная черта его лица — всегда был улыбчивый. Никогда не видела его сердитым. Часто пел песни, которые сам сочинял. Песни тоже были смешные. О чем пел? Да обо всем, как обычно поют удагейцы. Получалось очень смешно. Бывало, издали на все село слышен дружный хохот. Что такое? А это Джанси собрал мужчин в кружок и поет им новую песню...

Вот таким — улыбчивым, трудолюбивым, всегда открытым навстречу людям — остался Джанси Кимонко в памяти одноклассников. В памяти человечества он останется как замечательный писатель, подаривший нам всего одну, но поистине уникальную книгу.

А. МАКЕЕВ.